

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ТЮРКСКОЙ ИСТОРИИ

Кризис методологии отечественной науки, который явственно стал проявляться в 1980-е гг., наиболее серьезно затронул теорию общественно-экономических формаций. Это связано с идеологической перегрузкой этой теории, служившей универсальным основанием и объяснительным принципом всемирного исторического процесса в советской исторической науке. Распад Советского Союза и крах его идеологической системы привел к полному падению авторитета этой теории. Ответом стало обращение историков к понятию «цивилизация», как к концептуальному средству, объединяющему разные стороны исторического процесса – социального, этнокультурного и экологического. Цивилизационный подход, имеющий более универсальный характер, ярко выраженную гуманистическую направленность и вариативность в объяснении исторического процесса имеет больше гносеологических возможностей, чем жесткая материалистическая схема советского марксизма. В Казахстане историки к проблеме цивилизационной парадигмы обратились довольно давно и добились значительных успехов.

Наиболее важными представляются выводы Алтайы Иранбеккызы Оразбаевой о том, что в современных условиях разработка темы цивилизаций – это не попытка создания новой всеобщей историософской модели, а поиск наиболее подходящего инструмента познания социально-генетического кода, заложенного в основу функционирования кочевого социума. Сама цивилизация предстает в виде «некой формы выражения крупных социокультурных общностей, образованных путем слияния воедино генетически близких гражданских сообществ, возникающих в недрах определенных традиционных культур». Особенностью цивилизационного ареала степей Северной Евразии, по мнению исследователя, является фактор симбиозности, совместимости двух метарас, – кочевников и земледельцев, выработавших своеобразный внутренний механизм различных антропосистем» [2]. Между тем, при наличии общей серьезной проработки вопросов методологии цивилизационного подхода, его эвристические возможности по отношению к конкретным регионам и культурно-историческим общностям остаются недостаточно проработанными. Одним из таких объектов является прошлое кочевых скотоводческих народов степей Северной Евразии. Интерес к нему для отечественной историографии вызван тем, что важной ее частью является мусульманская тюрко-татарская общность.

Важной составляющей определения истоков татарского народа служит выяснение его цивилизационной принадлежности. На протяжении последних двух веков изучения прошлого, когда происходило наиболее активное накопление знаний и вырабатывались концептуальные подходы, основной инструментальный носил европоцентристский характер, а в отношении народов Востока это был ярко выраженный ориентализм.

Сама теория цивилизации, восходящая еще к античным временам к противопоставлению «культура» – «варварство», предполагала целый ряд негативных характеристик соседних народов. В эпоху средних веков и Возрождения это военно-политическое и идеологическое противостояние усилилось, поскольку приобрело религиозный смысл. Все эти коннотации только усилились в период колониализма. В середине XVIII – первой половине XX в. теория цивилизации в целом ряде трудов была совмещена с идеями расизма и мессианизма «бремени белого человека» в широком спектре от научной расологии и евгеники до откровенного нацизма [3]. В конце XX в. подобные идеи были подкреплены теориями о сопряженности цивилизации с расой и «столкновении цивилизаций». Все они так или иначе указывают на то, что культура кочевников является периферией цивилизованного мира, регионом вне цивилизаций – отсталым, варварским и диким состоянием общества [4]. По мнению признанных специалистов кочевниковедов Л. Крэдера и А.М. Хазанова, общество степных скотоводов было законсервировано на долгие века: «... по основным социально-экономическим структурам и формам эксплуатации, равно как и по основным тенденциям общественного развития, древние

кочевники евразийских степей были весьма близки к кочевникам средневековья и даже нового времени» [5]. Представления о застойности и отсталости социальных институтов и культуры вместе с эволюционистскими идеями, вызвали к жизни негативные концепции о месте номадов в мировой истории.

В трудах классических европейских историков зона евразийских степей предстает провалом, «черным пятном» в мировой истории, лежащим вне «осевого времени» развития мировых цивилизаций. Один из них, создатель теории и истории цивилизаций А. Тойнби, говоря о кочевниках прямо писал: «Время от времени они покидали свои земли и врвались во владения соседних оседлых цивилизаций... несмотря на нерегулярные набеги, на оседлые цивилизации, временно включавшие в поле исторических событий, общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [6]. Другие историки были не менее категоричны. Известный историк и один из создателей «Школы Анналов» французский историк Ф. Бродель прямо писал, что эти «варвары», «которые и в самом деле опасны для цивилизаций, почти все относятся к одной разновидности людей: к кочевникам лежащим в центре Старого Света пустынь и степей». Далее он, включив их «в состав человечества», прямо указывает их место в истории: «В целом же речь идет об исключительном случае – случае длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал. Случае почти абсурдном, невзирая на его огромный резонанс» [7]. Иными словами, в отношении к культурным и социальным возможностям населения Великих степей Евразии у многих ученых и философов, находившихся вольно или невольно в плену традиционных представлений, сложилось весьма негативное мнение.

Даже те современные исследователи, которые хотели бы отойти от прежних устойчивых стереотипов и наметить новые пути изучения «пасторальных номадов», тем не менее, уводят вопрос в сторону обсуждения истории взаимоотношений оседлых цивилизаций и их северных соседей, как «опасных» и «враждебных» [8]. В определенной степени это развитие прежних взглядов о вторичности «варварских» культур и зависимости периферийных народов от «осевого» времени цивилизаций. За «ось времен» в западной науке однозначно понимается путь, пройденный евро-американскими странами, а понимание термина «цивилизация», несмотря на массу свидетельств о многообразии культур и цивилизаций, сохраняется за исходной западнцентристской моделью. В последнее время идеи цивилизационного монизма, связанного с Западом, дополняются в трудах некоторых более широко мыслящих западных ученых, концепциями превосходства оседло-земледельческого мира над варварской периферией.

В этом случае, как и в случае европейского монизма, отвергается, как в настоящем, так и в прошлом сущностное значение чего-то незападного (или в мягком варианте, неоседлого, не городского), которое сводится к понятиям заимствования и культурной зависимости. В этом случае северная периферия, например, Китая сводится к тем же древним, как сам Китай представлениям о «северных варварах» и их неспособности существовать без помощи Поднебесной. Таким прихотливым образом соединяются, казалось бы, несоединимые и взаимоотталкивающие идеи – европо- и китаецентризма. Но удивительным образом они находят общую идею – отказ степной культуре быть чем-то более, нежели периферией цивилизационного мира.

Подобные взгляды, однако, не в состоянии объяснить, как немногочисленные (особенно в сравнении с многолюдными оседлыми империями) и дикие (в общекультурном плане) кочевники не только раз за разом завоевывали оседлые страны, но и устанавливали над ними довольно прочное господство.

Например, с 221 г. до н.э., когда в Китае возникла первая централизованная империя, до настоящего времени из 2 232 лет кочевники прямо правили Северным Китаем более 820 лет, причем из них 430 лет власть их распространялась на весь Китай. Учитывая, что в некоторые довольно продолжительные периоды сюнну, сяньби и тюрки заставляли китайских правителей выплачивать огромные военные контрибуции (т.е. осуществляли

внешнее правление), то становится ясно, что время фактического господства северян над Китаем достигает фактически половины срока истории его государства. Тюрки составляли основу военной гвардии багдадских халифов с середины VIII в., а с 962 г. Хорасан завоевали Газневидами, после которых Иран в 1055 г. захватили сельджуки, правившие до монгольского завоевания. Хулагуиды (1256-1353), а затем и другие тюркско-могольские династии владели Передней Азией до начала XVI в. Таким образом, почти 550 лет в Иране властвовали тюркские племена, которые и при Сефевидах и Каджарах, также играли важную роль. Такая же картина наблюдается и в Индии, где тюркские племена образовали Делийский султанат (1206-1527), а позднее Тимуриды (Чингизиды) создали Империю Великих Моголов, которая владела Северным Индостаном вплоть до английского завоевания и свержения Бабуридов в 1857 г. Мамлюки татарско-черкесского происхождения безраздельно владели Египтом в 1250-1517 гг., но позднее при формальном подчинении турецкому султану сохраняли привилегированное положение, закончившееся восстанием (1769), разгромом (1806) и массовым их истреблением (1811). Иными словами, с конца X в. тюркские династии властвовали почти безраздельно до монгольского завоевания и позднее в некоторых регионах до эпохи колониальных захватов (конец XVIII – середина XIX вв.).

В этой связи историки, которые смотрят на мир прошлого через «цивилизаторские очки» вынуждено признают, что в области военного дела кочевники превосходили оседлые государства, что, дескать, только доказывает их «дикость» и «варварство». Между тем, превосходство в военном деле не возникает из необузданной дикости. Оно представляет собой только самую верхушку айсберга, сложенного из достижений технологий, оружейного производства, комплектования и обучения войск, опыта применения передовых форм вооружения и тактики боя. Не говоря уже о высоком уровне социальной структуры общества и устойчивой духовной культуре, а также о влиянии степной моды на «развитых» соседей. Выходит, что по целому ряду позиций кочевники нисколько не уступали, а часто и превосходили своих оседлые цивилизации.

Но дело не столько в превосходстве кочевых народов в области вооружения, что само по себе исторический парадокс, учитывая явное преимущество оседлых народов в численности, в технологиях и социальной организации, а в том, что согласиться с тем, что варвары однажды смогли завоевать цивилизацию можно, но то, что они это делали регулярно и на постоянной основе весьма трудно. Тут что-то одно: или цивилизация не настолько превосходила этих варваров, или мы имеем дело с двумя одно порядковыми культурными явлениями. Ведь главная проблема для какой-либо армии не победить врага и даже не завоевать его территорию, а организовать эффективное ее управление на сколько-нибудь длительный период. История знает немало примеров успешного выполнения первой задачи и провала второй: например, Дарий в Скифии, викинги в Англии, крестоносцы в Палестине, японцы эпохи сёгуната Хидэёси в Корее, Наполеон в Испании и т.д. Только, когда завоеватель может установить эффективное управление завоеванной страной, его владычество может длиться многие и многие годы.

Судя по историческим фактам кочевые империи Великой степи умели не только покорять страны, но и выстраивать жизнеспособные социально-политические организмы. Подобное могло происходить, если они были достаточно гибкими, чтобы воспринимать достижения завоеванных стран, но в тоже время достаточно сплочены, чтобы сохранять свое этносоциальное, политическое и культурное единство. Веками успешно противостоять натиску оседлых цивилизаций в военно-техническом, культурном и религиозном могла только цивилизация адекватная по своим характеристикам. Используя метафору А.Тойнби, степная цивилизация исторически достаточно долго противопоставляла себя оседлому миру, давая адекватные ответы на «вызовы времени». Тогда как за это время многие великие империи и культуры рассеялись в прах. Такого бы просто не могло бы произойти, если бы кочевые скотоводы были дикими, невежественными и отсталыми

людьми. В этом пренебрежительном отношении к кочевникам сквозит скорее непонимание и отторжение инаковости, а не научный анализ.

Неудивительно, что любой непредвзятый исследователь будет склоняться к мысли о более сложном взаимодействии культур и народов, нежели традиционная одномерная модель. Действительно, в последнее время эта оценка постепенно меняется, хотя и не так быстро. Одним из тех, кто прямо указал на ущербность и тупиковость прежних мифологем для науки был отечественный историк Л.Н. Гумилев, посвятивший свою жизнь изучению степных народов и очищению их истории от наслоений квазинаучных представлений. Преодолевая эти устойчивые заблуждения, он писал, что «настало время поставить точки над *i* в вопросе о «неполноценности» степных народов и опровергнуть предвзятость европоцентризма, согласно которому весь мир – только варварская периферия Европы» [9]. Согласно его взглядам, которые находят все больше сторонников и последователей степные народы создали особую цивилизацию, которую условно можно назвать «кочевой», поскольку речь все же идет о комплексном хозяйстве с ведущей ролью скотоводства. На основе этой системы хозяйства в глубокой древности зародились особые социальные отношения и своя духовная культура, которые развивались вплоть до Нового времени.

Так ли вообще дик кочевник и так ли цивилизован земледелец? Учитывая, что долгие века земледелие носило характер не оседлой жизни, а формы хозяйствования, которое исследователи называют «кочевым земледелием» с постоянным освоением новых земель. Автор оригинальной теории развития культур Северной Евразии этнограф А.В. Головнев для обозначения всего комплекса культурных процессов использовал интересный термин – «антропология движения» [10]. По сути, он может считаться лейтмотивом и характеристикой всей цивилизации к северу от плодородного пояса Евразии. Говоря об издержках понимания смысла этой культуры он пишет: «В общественном сознании и науке цивилизованность прочно ассоциируется с оседлостью. В XX в. перевод кочевников на оседлость мыслился единственным средством их приобщения к высокой культуре. И сейчас слово «кочевник» опутано оттенками отсталости и инаковости. Трудно сказать, чьих заслуг в этом больше – самих кочевников или оседлых историков». Далее он делает важный вывод о том, что всей культуре присущ динамизм и движение, а состояние статики – это только локальный и субъективный взгляд на процесс эволюции, огрубляющий его и рассматривающий как череду дисперсных состояний. На самом деле развитие мира происходит по законам синергетики, как процесс трансформации природы, человека и общества в условиях открытых и хаотично развивающихся систем. При этом мироощущение кочевника – это движущаяся картина мира, череда состояний и событий, а оседлого земледельца – круговорот, когда все меняется в строгой последовательности, но при этом ничего не меняется по существу. Разница жизненных укладов вела к непониманию, а от нее к противостоянию, которое продолжается и теперь на страницах исторических трудов. Но так ли обосновано статическое мышление? В наш релятивистский век не следует ли признать за динамическим мышлением приоритет и, наконец, признать, что наши предки кочевые скотоводы были не так уж и примитивны, а их способность гибко реагировать на любые изменения и обеспечивало им до определенного времени превосходство над соседями. Может быть, среди них было мало таких мыслителей, как Сенека или Спиноза, но точно гораздо больше практиков как Кулибин. Быстро и хаотично меняющаяся действительность требовала не созерцательности, а быстрого и точного реагирования, что воспитывало совершенно иной стиль жизни и мышления. Если оседлые цивилизации не располагали к расширению границ и своих знаний о мире, часто впадая в состояния автаркии и прибегали к политике «закрытых дверей», как это было с Римской империей, Цинским Китаем и Японией, то для степных народов подобное было просто немыслимым. Их девизом было «движение все, цель – ничто». Соответственно, и сама степная цивилизация была совершенно иной, построенной на других принципах и нормах, нежели оседлая.

В современной науке существует большое количество различных определений и группировок цивилизаций. Все варианты несовершенны и подвергаются заслуженной критике. Само определение этого понятия настолько расплывчато, что иногда грешит излишней обобщенностью, а иногда строгой выборочностью критериев. Часто списки цивилизаций создаются без базовых критериев и состояются по разнообразным показателям: по условиям генезиса, по географическому признаку, по религии, по языку, по экономическо-технологическому принципу. Широкое и обобщенное определение цивилизации дает Е.Б. Черняк, рассматривающий ее как «целостную саморазвивающуюся общественную систему,

включающую в себя все социальные и несоциальные компоненты исторического процесса, всю совокупность созданных человеком материальных и духовных объектов», подчеркивая, что «у современного обществоведения нет обоснованного критерия определения сущности цивилизации» и поэтому стоит избегать всякого конкретизирующего ее определения [12].

Тем не менее, понятно, что цивилизованное общество должно состоять из целостной, но сложно

организованной системы, состоящей из ряда подсистем: экономическая – производство продуктов питания и средств производства, организация потребления и перераспределения продукции, технологии, система коммуникации и т.д.; биосоциальная – все, что относится к существованию людей и образу жизни – семья и родовые связи, добыча и/или производство продуктов питания и товаров, жилье, одежда, досуг и праздники т.д.; социально-политическая – слои и страты общества, власть и организация управления, обычаи и нормы, право и легитимация власти и т.д.; культурная – мифология и религия, этика и эстетика, нормы и правила взаимодействия людей, картина мира («Мы» и «Они»), политика и идеология. Все эти подсистемы взаимодействуя с природно-географической средой (экосистемой, «вмещающим ландшафтом»), где развивается то или иное общество создают локальную цивилизацию. Всем этим критериям отвечает степная культура с эпохи бронзы.

В принципе, подобная система может быть описана не только в расплывчатых, субъективных и

релятивистских категориях постмодернизма, но и как синергетическая модель. В этом случае цивилизация сложно-динамической системы, которая предстает в виде одновременно и явления и процесса, причем развитие ее происходит в виде последовательных фазовых переходов, которые подчиняются определенным управляющим и генерализующим параметрам. При этом данная сложно-динамическая система является нелинейной, открытой (незамкнутой), подвержена различным внешним и внутренним колебаниям, может быть нестабильной, а системы ее составляющие могут быть как устойчивыми, так и хаотичными, одновременно она подвержена качественным, скачкообразным изменениям.

Подобная система так называемого, «управляемого хаоса» лучше всего описывает ту сложно-динамическую систему организации общества, которую историки пытаются изучать с помощью понятия «цивилизации». Именно в таком концептуальном ключе и следует изучать степные народы, их культуру и государственность.

Но применить в полной мере подобную методику к изучению скотоводов Евразии довольно трудно. И дело не в том, что эти народы являлись примитивными. Как справедливо писал по этому поводу А.Тойнби: «описание примитивных обществ как «народов, у которых нет истории», ошибочно и свидетельствует прежде всего об ограниченности наших возможностей» [13]. Для изучения и реконструкции истории этих народов у нас, действительно, пока еще довольно мало сведений. Отсутствие письменных источников и необходимость комплексного анализа не позволяют делать этот процесс быстрым и простым. Достаточно сказать, что в плане этнографическом степная цивилизация может описываться понятиями хозяйственно-культурный тип и историко-

этнографическая область [14], а в плане археологии – археологической культурой [15]. При этом в историческом отношении мы имеем дело со сложным взаимодействием многообразных и противоречивых, разнонаправленных систем – экологических, хозяйственных, социально-сословных, культурно-религиозных, идеологических, этнополитических и государственных. Все они имеют свою специфику отражения в различных видах источников.

Основные параметры древней цивилизации востока евразийских степей является комплексное хозяйство с ведущей ролью скотоводства, причем собственно кочевым оно становилось только для отдельных групп населения и только в условиях неблагоприятных природно-географических и экологических факторов. Значительную роль в хозяйстве играла также охота, особенно сезонная облавная охота. Номадный (пастбищный) способ производства продуктов является специфическим вариантом природно-экологической и социокультурной адаптации степного населения в условиях аграрной стадии мировой цивилизации.

При любых условиях определенная группа степного населения всегда вела оседлый образ жизни, занимаясь земледелием и ремеслами, в том числе и добычей полезных ископаемых и металлургией. Места сосредоточения этого оседло-земледельческого и ремесленно-торгового люда в некоторые исторические эпохи разрастались до весьма крупных размеров, приобретая характер протогородов, как это было в период бронзового века. Интересно, что не только у индоевропейских, но и у тюркских народов была выработана своя (за редким исключением не китайская) лексика для обозначения культурных растений, агротехники, строительства и городской жизни), что свидетельствует, что народы, входившие в степную цивилизацию прошли свой путь к оседло-земледельческой культуре не под влиянием более развитых соседей, а самостоятельно. Сложный характер взаимных обменов продуктами питания и ремесленной продукцией вел к усложнению социальной структуры, появлению социально-сословного расслоения и формирования надобщинных органов власти. Однако в силу недостаточной источниковой базы довольно трудно характеризовать уровень сложности подобных объединений и степень их зрелости как государственных организмов.

Пространственные связи этой цивилизации обширны и простираются от Подунавья на западе до Приамурья на востоке, от лесной зоны на севере до территорий устойчивого земледелия и пустынь на юге. В свое время американский историк Э. Кинан образно назвал степи евразийскими морями, по которым ходили караваны, как будто торговые суда, прибывая в порты – города, расположенные на краю степи. Эта характеристика, хотя и живописна, но не совсем верна. Евразия являлась, если и морем, то не бескрайним океаном, а архипелагом тысячи островов. Все они имели заметные отличия друг от друга, но в то же время и огромное количество общих черт и традиций. Огромная пространственная протяженность делала степную цивилизацию чрезвычайно эластичной, способной к адаптации инородных включений и амальгамированию с различными элементами. Она обладала собственными социальными и культурными ритмами, которые не всегда совпадали с этапами развития окружающих стран.

Более того их хозяйственная и социальная эволюция связана со многими, иногда просто непонятыми и не изученными процессами – экологическими, природными, социальными и т.д.

Одновременно это была не стена, а проницаемая среда. Но тех пор пока европейцы не открыли морской путь вокруг Африки, степи являлись единственным и важнейшим транслятором культурных достижений и торговой магистралью, связывающей разные части Евразийского континента. По протяженным трансасиатским путям, самым знаменитым и важным из которых являлся великий Шелковый путь, перемещались различные товары, изделия и предметы. Возникновение его связано с движением тюркских народов, главным образом сюнну (хунну) на запад, вслед за которыми в Среднюю Азию проникли ханские имперские войска. Здесь они фактически

сомкнулись с парфянами и самыми восточными рубежами средиземноморской эллинистической цивилизации. В результате открылся торговый путь «от ромеев к серам», по которому перемещались рулоны шелка, фарфор, чай, пряности, серебряные изделия и другие товары. Кроме этого внутри Евразии издавна процветали другие торговые магистрали, такие как пути из Северного Причерноморья и Средней Азии в Приуралье и Западную Сибирь, по которым перемещались меха и пушнина, а в ответ поступало золото и серебро. Позднее в период средневековья все они объединились в единую сеть, став своеобразными кровеносными сосудами, несущими процветание во все регионы Евразии. По этим же путям двигались идеи, знания и технологии. Открытия, сделанные в одном конце мира, довольно быстро становились достоянием всего континента, как это было, например, со стременами, порохом и фарфором.

Она вместе с тем была и серьезным барьером на пути продвижения различных завоевателей из стран оседлого мира. Один за другим рушились попытки подчинить себе степь со стороны персов, греков, арабов и китайцев. Усмирить степь удалось лишь в Новое время. Да и то только благодаря численному и техническому превосходству войск, а также помощи части самих кочевников. До этого времени кочевники иной раз и терпели жестокие поражения, но всегда брали реванш. Примером успешного противостояния натиску разных цивилизаций со стороны степняков могут служить успешные противостояния местных народов продвижению тохаров на восток, войск Александра Македонского и его диадохов в Трансоксианию, две битвы на Таласе, когда сюнну и арабы вместе с тюрками-чигилями остановили продвижение китайцев на запад. Тем самым Степь служила серьезным препятствием на пути любого завоевателя мира, в том числе из степного региона. При этом нельзя рассматривать эту цивилизацию только через призму современных реалий (особенно в свете желания некоторых историков сверстать некую «казахстанскую цивилизацию») или религиозно-языковых критериев современного состояния Евразии (конструирование тюркской цивилизации). Представляется, что все эти цивилизации – тюрко-мусульманская, татарская, казахстанская и др. носят более конкретный, локальный характер по отношению к более общей и более концептуальной «степной цивилизации».

Степная цивилизация представляется в этом смысле не «черным» или «белым» пятном между великими цивилизациями, а полноправный участник, субъект мирового развития. В Центральной Азии степная цивилизация берет начало с периода окончательного формирования на обширных просторах степной зоны Северной Евразии производящего комплексного хозяйства, особенно после одомашнения крупного рогатого скота и лошади в 8-6 тыс. до н.э., что позволило повысить устойчивость населения степей к негативным природным явлениям и колебаниям климата [17]. Другим фактором, вызвавшим становление новой цивилизации стало овладение металлургией меди и бронзы, а с VIII в. до н.э. железа. Крупнейшими военно-технологическими открытиями стало изобретение двухосной повозки, а позднее ее модификаций от телеги до одноосной арбы и легкой двухколесной колесницы (1,5 – 1,3 тыс. до н.э.) резко повысило мобильность степняков и их способность к быстрым перемещениям и повысило их военную мощь. Еще более революционную роль в истории мира сыграло овладение техникой верховой езды (конец 2 – начала 1 тыс. до н.э.), что сразу же поставило Евразийские народы в более выгодные условия по сравнению с другими континентами. Достаточно сказать, что завоевание Америки было бы просто невыносимо без этого открытия. Важными военно-техническими изобретениями степных народов были сложносоставной лук (I тыс. до н.э.), стремян (III-V вв.), седло с жестким каркасом (III-V вв.) и сабля (VII вв.), что привело к усилению военной экспансии этой цивилизации.

В числе открытий этой цивилизации, ставящей ее в один ряд с другими великими культурами, является изобретение своих алфавитов (рунические системы письма, уйгурица). Особо следует подчеркнуть изобретение тюрками своего собственного письма

на основе согдийского алфавита и собственных рунических знаков [18]. Это культурное достижение тем более значительно, что оно представляет достижение собственной культуры тюрков. Вне всякого сомнения они были к этому времени уже знакомы с различными системами письма – кхароштки, согдийским, китайской иероглификой, но смогли создать свою систему, которая распространилась по всей степной Евразии от Приамурья до Придунавья. Впервые тюркские народы получили возможность вести различные записи, а также донести до потомков свое видение мира и своего места в нем. Это выдающееся достижение, сделавшее тюркские народы одними из лидеров средневекового мира и сохранившее их идентичность в современном мире.

Позднее руника была постепенно вытеснена арабским письмом, но это только указывает, что тюрки к тому времени были высокоразвитым народом, способным к освоению элементов чужой культуры без ущерба для базовых оснований своей.

Высокий уровень духовной культуры демонстрируют мифология степных народов (нартский эпос, эпосы тюркских народов – Алпамыш, Гэсэр, Деде Коркут, Огуз-наме, Маадай-Кара и др.). В религиозном отношении степные народы в целом [19] и тюрки в частности создали весьма сложную, к сожалению, дошедшую до нас лишь частично, мифологическую систему. Эта модель мира тюркской культуры, получившая в литературе условное название «тенгрианство» имела как общие мифологические черты с другими мифологиями, так и собственное видение этого и потустороннего миров. Эта система верований сосуществовала с манихейством и буддизмом в тюркских и уйгурском каганатах, а позднее была адаптирована или вытеснена на периферию сознания исламом.

Но остатки этих верований, превратившись в различные суеверия, не исчезали у тюркоязычных народов никогда. Все эти культурно-технологические открытия, наряду с устойчивым производством продуктов питания и ремесленной продукции, создали базу для резкого ускорения социального развития и потестарно-политического развития в Центральной Азии, появления и развития у них сословно-кастовой (для древности) и социально-клановой системы. Причем степным народам удалось ранее, чем у целого ряда других периферийных народов создать свое государство, получившие в специальной исторической литературе название «кочевая империя». В период средних веков в некоторые исторические периоды степные народы создавали целый ряд мировых империй, самой громадной из которых стала держава Чингиз-хана, превосходившая своими размерами такие империи, как Римская, Македонская и Арабский халифат. Если же мы вспомним, что еще с глубокой древности северные народы (Туран),

носители степной цивилизации совершали вторжения и переселения вглубь зоны передовых народов Азии – на Ближний Восток, Переднюю Азию, Индостан, то станет понятным, что культура их была постоянным и важным фактором роста мировых цивилизаций. Неверным будет приписывать создание степной цивилизации только тюркоязычным народам. В истории этой цивилизации, очевидно, можно выделить несколько больших периодов, когда доминировали те или иные народы. В период бронзового и раннего железного века (середина 2 тыс. до н.э. – 3 в. до н.э.) доминировали индоиранские племена, двигавшиеся по степи с запада на восток и на юг. Считается, что само начало становления китайской цивилизации в определенной степени связано с культурным импульсом с северо-запада, когда в долине р. Хуанхэ появляются так называемые «инь-ские бронзы» [21]. Значение этих народов трудно переоценить, поскольку они были первыми племенами, вырвавшими весь степной регион из мрака дикости и заложившими основы степной цивилизации. К сожалению, древние иранско-тюркские связи еще только начинают проясняться, но и сейчас понятно, что их значение на начальном этапе становления собственно тюркской культуры было чрезвычайно важным. Именно от них, очевидно, тюрки заимствовали важные умения, навыки и культурные достижения, развивая и расширяя их. Постепенно тюрки усилились настолько, что начали уже свою экспансию на запад и на юг, постепенно вытесняя и ассимилируя иранские народы. В свою очередь в это

движение и культурный народоворот были втянуты угорские (протомадьяры), монгольские (дунху, кидани, монголы и ойраты) и тунгусо-маньчжурские (мохэ, чжурчжэни, маньчжуры) народы. Рассуждая о становлении и росте различных цивилизаций следует отметить тот факт, что локальные культуры имели различные фазы роста и спада. Нет никакой регулярности в этих этапах и исследование А. Тойнби прекрасно это показало. Но некоторые бросающиеся в глаза различия мы можем подметить. Связаны они прежде всего с тем, где и как эти цивилизации развивались. Часть цивилизаций возникла и развивается в том же географическом регионе, в котором она и возникла. Самым ярким примером такого исторического опыта является Китай, возникший в междуречье рек Хуанхэ и Янцзы и связанный с культивированием риса и разведением свиней. Подобным типом хозяйствования определялись пределы распространения китайской цивилизации и ее влияния – там, где условия для этого отсутствовали, влияние Китая было спорадическим и поверхностным. Можно сказать, что это классический вариант оседлой культуры. Даже европейская христианская цивилизация постоянно меняла свой центр от средиземноморья на Балтику, а оттуда на побережье Атлантики. Пример других цивилизаций, которые перемещались на огромные расстояния, демонстрируют скотоводческие культуры. Например, древнеиранская и индоарийская культуры, возникнув на Южном Урале, переместились далеко на юг до Передней Азии и Индостана. Тюркские локальные цивилизации также весьма широко распространились на Старом Свету от Алтая и Ордоса до Малой Азии и Поволжья. Здесь мы имеем, очевидно, дело с особой социально-культурной ориентацией кочевой культуры к расширению своего ареала, высокая способность к адаптации и сохранению своих традиций в условиях инокультурного окружения, постепенной культурной ассимиляции местных народов. Осмысливая исторический путь этих народов, как и многих других древних цивилизаций, растет понимание, что становление и развитие цивилизаций не поддается такому простому объяснению их истории, которое было предложено А. Тойнби: они рождались, испытывали подъем, а затем гибли, не сумев ответить на вызовы времени. Под обаяние этой простой и, казалось бы, логичной схемы попал в определенной степени и Л.Н. Гумилев. Наблюдая колесо исторического прошлого, действительно, есть соблазн впасть в такое простое объяснение. Но рассматривая реальную историю, понимаешь, что на деле все страны, народы и цивилизации постоянно развивались, менялись и трансформировались. Двигателем этого служили социальные изменения, а выражались они в культурных преобразованиях. Европейские государства средневековья мало походили на Римскую империю, но в некоторых базовых элементах (латынь, христианство, терминология, традиции архитектуры, военного дела и т.д.) они являлись прямыми наследниками средиземноморской цивилизации. Но и сама Римская империя, продолжая традиции республики, далеко ушла от ранней полисной культуры.

Традиционное римское обращение государственных актов *Urbi et orbi* (буквально, «к городу (Риму) и к миру»), ставшее ныне названием торжественного папского благословения, можно перефразировать, что культура Позднего Рима была обращена не столько городу, сколько к миру.

Эволюция, когда тягучая, когда быстрое, спонтанное преобразование, – все это показатели живучей и живой культуры, способной к трансформации, при сохранении своего собственного «культурного кода». Изменения никогда и нигде не были произвольными. Например, тюркские народы испробовали целый ряд религиозных систем, отталкиваясь от шаманизма и тенгрианства, от манихейства до буддизма, но закрепиться и широко распространиться в среде тюрков смог только ислам. Этому может быть много объяснений, но ясно одно – ислам отвечал тюркским традициям и оказался более способен к адаптации в тюркской среде, распространившись в их среде от Анатолии до Восточного Туркестана.

При этом ислам не перестал быть исламом, а тюрки не превратились в арабов, как это пытаются сделать некоторые адепты салафизма. Тюрки сохранили не только ядро своей культуры и мировосприятия, но и, обогатившись, достижениями мусульманского мира,

пережили невиданный Ренессанс, распространившись фактически по большей части Северной Евразии. Этот импульс был настолько силен, что смог придать энергию движения русской цивилизации, став для нее тем, чем были арабы в «темные века» для Европы. Однако по мере европеизации эта составляющая русской культуры была предана забвению. Но нам ясно, что русская культура постоянно трансформировалась от далеких былинных времен до Нового времени, разительно изменившись, но сохранив свою идентичность и свой «культурный код».

В этом смысле история возникновения, становления и развития тюркской (а точнее тюрко-мусульманская) цивилизация является интересным примером движения культур, расширения своего ареала и взаимодействия с другими цивилизациями. Зародившись в Центральной Азии, тюркская культура за период до середины XVI в. резко расширилась, в период наивысшего расширения, занимая территорию от берегов Дуная до Амура и от Ближнего Востока до Прикамья и Западной Сибири. Поволжье в этой системе тюрко-мусульманских культур занимало центральное положение, что сказалось на ее особенностях. Например, поволжский тюрки (старотатарский) является исходным для ряда литературных языков – кумыкского, казахского, узбекского и башкирского, а сам татарский язык занимает срединное положение по составу лексики в системе тюркских языков. Высокая способность к адаптации и взаимодействию продемонстрировала татарская культура в период Нового времени, когда значительная территория Северной Евразии вошла в состав Российского государства. Можно сказать, что в определенном смысле российская цивилизация наряду с византийско-христианскими истоками, имеет значительный вклад татарской цивилизации. Вполне очевидно, что практически все особенности российской культуры имеют евразийские (в первую очередь татарские) основания.

Степную цивилизацию на мировой цивилизационной карте можно представить в виде каменного кургана, который высится между китайской пагодой и средиземноморским храмом с колоннадой. Эта культура со своими навыками и умениями, своими способами адаптации к природной среде и освоению мира мифологическим сознанием. В целом это была практичная и культура, которая могла быть сходной на огромном протяжении степей, что иногда вводило в заблуждение наблюдателей из остального мира, кажущейся простотой и примитивностью. Важным отличием одних народов и их культур от других было отношение к смерти и потустороннему миру. Перефразируя слова Б.Шоу, можно сказать, что жизнь степняков равняла всех и только смерть показывала, к какому народу они принадлежали». Это несколько преувеличенная характеристика в тоже время является нашим взглядом на прошлое степи через призму археологических источников. За редким исключением кочевники не оставили письменных свидетельств о своей жизни, артефакты в подавляющем большинстве случаев дошли до нас в разрозненном и агрегированном состоянии, поэтому пышная одежда, сложные церемонии, многолюдные праздники достигли нас только в виде отдельных фрагментов. Но это не значит, что этого не было и не повод игнорировать само их существование. Степная цивилизация в целом является важнейшей частью мировой культуры, часто определявшей в прошлом судьбы мира. Какое же место в этой системе занимала локальная татарская цивилизация? Ответ на этот вопрос содержит не только фактологическую часть, но и наиболее общее концептуальное понимание, философское осмысление всей татарской истории, представление о ней в самом общем сжатом виде. «Культурный код» татар имел тесные связи с индоиранским культурным миром, а исторический фон возникновения и развития тюркских народов с глубокой древности протекал в тесном взаимодействии внутри степной цивилизации с иранскими народами, а на юге с формирующейся китайской цивилизацией. Это вовлеченное, но и пограничное положение позволило им не только сохранить свои традиции, но и обогатиться целым рядом новых элементов, создав свою особую парадигму культурного развития. Находясь в тесном взаимодействии с тюркскими каганатами, татары многое переняли от них, хотя постоянно конфликтовали. В X-XII вв.

наступил резкий взлет татарской государственности, своеобразный период «великодержавия», когда они пережили стали играть роль этнополитической основы тюркской цивилизации Центральной Азии. В период завоеваний Чингиз-хана и его потомков татары были сметены волной завоеваний, но не канули в лету. В силу традиций государственности, татары заняли ведущее положение при дворах Чингизидов, а в Улусе Джучи стали доминировать, как этносоциальная элита общества. После принятия ислама и его широкого распространения в тюркской среде произошел симбиоз двух цивилизаций, что вызвало резкий культурный подъем. Произошла определенная трансформация традиционной тюркской культуры в татаро-мусульманскую. В дальнейшем развитие этой цивилизации переживало то всплески роста, то падения в результате природно-экологических и военно-политических событий, но при этом основные базовые параметры, культурное ядро (то, что в постмодернистской традиции называется английским термином паттерн) при всех внешних социально-политических переменах оставалось неизменным и являясь основой ментальных структур большой длительности. Новый всплеск культурных трансформаций связан уже с влиянием европейской модернизации и становлением нации, а также национальной культуры на основе комплекса ранних традиций. Гибкость, лабильность и, главное, способность к серьезным изменениям вывело татар в число современных урбанизированных наций, способствовало укреплению национальной идентичности, что позволило ей пережить все суровые катаклизмы двадцатого века. Немногие локальные цивилизации смогли сохранить свою самостоятельность и своеобразие в условиях динамично меняющегося мира, модернизации и глобализации, стирающей цивилизационные и культурные границы. Но тюрко-мусульманской (как и ее части татарской) цивилизации это удается. Пройдя длительный период развития и адаптации, через подъемы и спады, татарская культура демонстрирует способность к внешней модернизации при сохранении своего культурного ядра и национально-культурной идентичности. Истоки всех этих процессов кроются в прошлом татар, их взаимодействии с великими цивилизациями – арийской и китайской и более чем полуторатысячелетней историей становления и развития.

Литература

- 1 Масанов Н.Э. *Кочевая цивилизация казахов – основа жизнедеятельности кочевнического общества.* – Алматы-М., 1995; Оразбаева А.И. *Цивилизация кочевников евразийских степей.* – Алматы: «Дайк-Пресс», 2005; Артыкбаев Ж.О. *Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий.* – СПб: «Мажор», 2005.
- 2 Оразбаева А.И. *Ук. соч.* – С.247-248.
- 3 Benedict R. *Race and Racism.* – London: George Routledge and Sons, 1942; Лейпу М. *Раса и цивилизация // Расовая проблема и общество.* – М., 1957; Крюков М.В. *Истоки расистских идей в древности и средневековье // Расы и общество.* – М.: Наука, 1982. – С.8-20; Майлз Р., Браун М. *Расизм.* – М.: РОССПЭН, 2004; Родионов В. *Расовые мифы нацизма.* – М.: Яуза, 2010; Шнирельман В.А. *«Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма.* – Т. I-II. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- 4 Арнольди С.С. (Лавров П.Л.) *Цивилизация и дикие племена.* 2-е изд. – М., 2011.
- 5 Krader L., *Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads, The Hague, 1963.* – р.4; Хазанов А.М. *Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей.* – М., 1975. – С. 265.
- 6 Тойнби А. *Постижение истории.* – М.: Прогресс, 1991. – С. 186.
- 7 Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное.* – М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 64, 67.
- 8 В качестве примера достаточно привести последние наиболее авторитетные труды: Barfield Th. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China.* – Cambridge, Mass.:

- Blackwell, 1989; De Cosmo N. Ancient China and its enemies. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.*
- 9 Гумилев Л.Н. *Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи.* – М.: Экспрос, 1994. – С.35.
- 10 Головнев А.В. *Антропология движения (древности Северной Евразии).* – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009.
- 11 Там же. – С.5.
- 12 Черняк Е.Б. *Цивилизациография: наука о цивилизации.* – М., 1996. – С.7-8.
- 13 Тойнби А. Ук. Соч. – С.89.
- 14 Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. *Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Советская этнография.* – 1955. – №4; Андрианов Б.В. *Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Советская этнография.* – 1968. – №2; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. *Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография.* – 1975. – №3; Андрианов Б.В.
- Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование).* – М.: Наука, 1985.
- 15 Массон В.М. *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии).* – Л.: Наука, 1976; Арутюнов С.А. *Народы и культуры: развитие и взаимодействие.* – М.: Наука, 1989.
- 16 *Представления, что развитие степных народов является калькой от культурного и политического развития оседлых стран (см. труды Т. Барфильда, А.М. Хазанова и др.) восходят к представлениям о степных скотоводах, как о культурной периферии мировых цивилизаций. Создатели этой концепции отказывают степным народам в самостоятельности и видят в них лишь субъект истории, даже когда они ведут активную военно-политическую деятельность. Факты во многом противоречат этой теории, но к сожалению, подобное заблуждение преодолеть не так просто.*
- 17 Шнирельман В.А. *Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема).* – М.: Наука, 1980; Шнирельман В.А. *Возникновение производящего хозяйства.* – М.: Наука, 1989.
- 18 Лившиц В.А. *О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология.* – 1978. – №4; Щербак А.М. *Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования.* – СПб., 2001.
- 19 *Здесь достаточно указать на реконструкцию мифологии индоевропейских народов и скифов, демонстрирующую высокий уровень сложности картины мира и верований (См.: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. – М.: Наука, 1977; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – Киев: Наукова думка, 1983; Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. – М.: Наука, 1985.*
- 20 Кляшторный С.Г. *Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник.* - 1977. – М.: Наука, 1981; Кляшторный С.Г. *«Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998. – М.: Наука, 2000; Кляшторный С.Г. *История Центральной Азии и памятники рунического письма.* – СПб., 2003; Стеблева И.В. *Жизнь и литература доисламских тюков.* – М., 2007.
- 21 Фань Вэнь-лань. *Древняя история Китая.* – М., 1958; Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. *Древние китайцы: проблема этногенеза.* – М., 1978; Васильев Л.С. *Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры*

и этноса. – М., Наука. 1976; Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. – М., 1983. Васильев Л. С. Древний Китай. - Т. I. – М., 1995; Варенов А.В. Древнекитайская письменная история и археология в конце эпохи Шан-Инь //Древность: историческое знание и специфика источника. – М., 1996.